

КРИТЕРИИ ИДЕНТИФИКАЦИИ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ ERGA OMNES

© 2023 г. Л. В. Вереина*, И. И. Синякин**, А. Ю. Скуратова***

Московский государственный институт международных отношений (университет)
МИД России

*E-mail: vereinalarisa@mail.ru

**E-mail: ilc48@mail.ru

***E-mail: interlawmgimo@bk.ru

Поступила в редакцию 08.12.2022 г.

Аннотация. После констатации Международным Судом ООН в его Решении 1970 г. наличия в международном праве обязательств erga omnes появилась потребность в теоретическом обосновании данной концепции. Последующая практика государств и самого Международного Суда ООН не смогла выработать единого способа идентификации данных обязательств. В этой связи особую роль приобрела юридическая доктрина, предложившая ряд самостоятельных критериев и подходов для разграничения норм erga omnes и остальных норм международного права.

Ключевые слова: принципы международного права, обязательства erga omnes, нормы jus cogens, Международный Суд ООН.

Цитирование: Вереина Л. В., Синякин И. И., Скуратова А. Ю. Критерии идентификации обязательств erga omnes // Государство и право. 2022. № 9. С. 180–188.

DOI: 10.31857/S102694520023529-2

IDENTIFICATION CRITERIA FOR ERGA OMNES OBLIGATIONS

© 2023 L. V. Vereina*, I. I. Sinyakin**, A. Yu. Skuratova***

Moscow State Institute of International Relations (University) MFA Russia

*E-mail: vereinalarisa@mail.ru

**E-mail: ilc48@mail.ru

***E-mail: interlawmgimo@bk.ru

Received 08.12.2022

Abstract. The judgement of ICJ of 1970 brought about the need for theoretical basis for erga omnes obligations in international legal science. The following state and ICJ practice failed to create any uniform solution for identification of these rules. Therefore, the international legal teachings became essential for developing individual criteria and approaches to separate erga omnes rules and other rules of International Law.

Key words: principles of International Law, erga omnes, jus cogens, International Court of Justice.

For citation: Vereina, L.V., Sinyakin, I.I., Skuratova, A. Yu. (2023). Identification criteria for erga omnes obligations // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 9, pp. 180–188.

Начало доктринальной и практической систематизации концепции обязательств *erga omnes* положено Решением Международного Суда ООН 1970 г. (МС ООН). Суд отметил существенное различие между «обязательствами государств по отношению к международному сообществу в целом и обязательствами, проистекающими из двусторонних отношений государств... В силу своего характера первые касаются всех государств. С учетом важности затрагиваемых прав все государства могут считаться обладающими юридическим интересом в защите этих прав; обязательства, о которых идет речь, представляют собой обязательства *erga omnes*». В качестве примеров Суд указал, что в действующем международном праве «такие обязательства проистекают из запрещения актов агрессии и геноцида, а также из принципов и норм, касающихся основных прав человека, включая защиту от рабства и расовой дискриминации»¹. Схожая по содержанию формулировка была закреплена в Резолюции Института международного права «Обязательства *erga omnes* в международном праве». В ст. 1 обязательство *erga omnes* определяется как «обязательство по общему международному праву, которое государство несет в каждом конкретном случае по отношению к международному сообществу, с учетом его общих ценностей и его заботы о соблюдении данного обязательства таким образом, что нарушение этого обязательства позволяет всем государствам принимать меры; или обязательство по многостороннему договору, которое государство-участник несет в каждом конкретном случае по отношению ко всем другим государствам-участникам этого договора, с учетом их общих ценностей и его заботы о соблюдении, таким образом, что нарушение этого обязательства позволяет всем государствам принимать меры»². В дополнение к примерам обязательств *erga omnes*, перечисленным в Решении МС ООН, в Резолюции указаны обязательства, касающиеся права на самоопределение, защиты окружающей среды международных территорий и пространств общего пользования.

Хотя между принятием этих двух документов прошло 35 лет, однако так и не удалось достичь нормативного закрепления концепции обязательств *erga omnes*. Комиссия международного права ООН (КМП) назвала это сознательным шагом, поскольку перечисление таких обязательств выходит за рамки задачи кодификации вторичных

норм, касающихся ответственности государств³, более того, такой перечень не представлял бы ценности ввиду неизбежного дальнейшего развития самой концепции⁴. Между тем практика подтвердила заинтересованность в реализации ответственности государства-делинквента, поскольку нарушение обязательств *erga omnes* посягает на международный правопорядок, затрагивая интересы всех государств. К таким интересам и обязательствам относятся: поддержание международного мира и безопасности посредством эффективных коллективных действий; развитие дружественных межгосударственных отношений; сотрудничество в разрешении международных проблем экономического, социального, культурного и гуманитарного характера; соблюдение мирных договоров; запрещение преступлений агрессии, геноцида; установление и обеспечение режима общего наследия человечества⁵; обеспечение права народов на самоопределение; соблюдение норм, касающихся основных прав человека; обязательство запрета пыток, других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания, внесудебные убийства и насильственные исчезновения; обязанность расследования и уголовного преследования лиц, подозреваемых в совершении преступлений против человечности, геноцида, военных преступлений и пыток; защита от рабства и расовой дискриминации; основные обязательства по международному гуманитарному праву; соблюдение установленных режимов демилитаризованных и безъядерных зон⁶; защита международного сообщества от ядерной угрозы; уведомление международного сообщества об установлении мин одним государством во внутренних водах другого⁷; сотрудничество в области разоружения и контроля вооружений; борьба с терроризмом; защита окружающей среды и использование природных ресурсов, расположенных за пределами национальной юрисдикции; любые вопросы ущерба окружающей среде, влекущего широкомасштабные и необратимые последствия. Усиление роли ООН и повышение авторитета Международного Суда ООН привели к появлению общей заинтересованности государств в уважении и выполнении его судебных

³ Вопрос об обязательствах *erga omnes* был поднят в процессе разработки Проекта статей об ответственности государств за международно-противоправные деяния, поэтому подобная аргументация КМП была оправданной.

⁴ См.: Сазонова К.Л. Обязательства *erga omnes* и нормы *jus cogens* в международном праве: концептуальное оформление и правоприменительная практика // Государство и право. 2014. № 11. С. 74.

⁵ См.: там же.

⁶ См.: Романов В.А. Исключение войны из жизни общества. М., 1961. С. 83.

⁷ См.: Сазонова К.Л. Указ. соч. С. 72–79.

¹ Barcelona Traction, Light & Power Co., Ltd. (Belgium v. Spain), Judgment. ICJ. 1970. Report. 3. P. 32.

² Obligations Erga Omnes in International Law. Resolution. Institute of International Law. Krakow, 2005. URL: http://www.idi-iii.org/app/uploads/2017/06/2005_kra_01_en.pdf

решений⁸. Кроме того, в доктрине поднимался вопрос о решениях международных судебных органов, которые, несмотря на применимость исключительно к сторонам спора, содержат точку зрения наиболее авторитетных ученых мира, оказывая тем самым влияние на позицию всех остальных государств⁹. Высказывалась точка зрения, что участие государств в Римском статуте Международного Уголовного Суда также станет обязательством *erga omnes*¹⁰. Обоснованной представляется идея существования обязательств *erga omnes* в случае, когда речь идет о явлении, в отношении которого действует механизм универсального регулирования на основе международного договора¹¹. В отношении формирующихся новых обязательств *erga omnes* высказывается мнение об отнесении к таковым концепции устойчивого развития, принципов либерализации международной торговли, принципов демократии как необходимого условия реализации прав человека¹².

Столь обширный, постоянно эволюционирующий перечень интересов и обязательств вносит некоторую неясность в понимание сути концепции обязательств *erga omnes*, создает дополнительные предпосылки для размывания ее юридических параметров. В связи с этим следует не только рассмотреть основные направления развития концепции обязательств *erga omnes*, но и поставить вопрос о новом, особом подходе к их идентификации.

Прежде всего необходимо отметить широкое доктринальное единство о явном различии между обязательствами государства по отношению к другому государству и обязательствами в отношении всех государств, всего международного сообщества в целом¹³. Такое же признание существует и со стороны КМП¹⁴. В то же время имеются и противники концепции норм *erga omnes*. В силу того что право государства подразумевает

возможность требовать исполнения корреспондирующего ему обязательства, а в случае его неисполнения — обращаться к средствам правовой защиты, существование обязательств *erga omnes* ставится под сомнение вследствие того, что защита своих прав зависит от усмотрения самого государства и никто не вправе уполномочивать себя на защиту прав других¹⁵. Согласиться с указанным доводом нельзя. Право государства на защиту своих интересов вовсе не означает исключение других государств из данного процесса. Так, например, ст. 24 Устава ООН возлагает на Совет Безопасности ООН главную ответственность за поддержание международного мира и безопасности, подразумевая в том числе и ситуации нарушения прав отдельных государств. Предлагаемое толкование применимо к ситуациям, когда затронуты право и интерес сугубо индивидуальны для конкретного государства, и совершенно неприемлемо в случаях интересов, имеющих значение для всего международного сообщества. Другая группа ученых, развивая идею противников концепции, признает нормы *erga omnes* совокупностью идентичных двусторонних обязательств между всеми возможными парами государств, формирующих в конечном счете обязательство одного государства по отношению ко всем¹⁶. Следует признать, что данный подход показывает порядок фактической реализации обязательств *erga omnes*: так, при выполнении обязательств по дипломатическому или консульскому праву, предоставлении права транзитного или мирного прохода или осуществлении экстрадиции имеют место именно двусторонние отношения. Между тем концепция обязательств *erga omnes* вовсе не исключает такой фактической реализации. В то же время не совсем ясно, как представляют себе сторонники такого толкования реализацию обязательства сразу в отношении всех государств¹⁷.

Особенность рассматриваемых обязательств заключается в их адресной направленности как к международному сообществу в целом, так и непосредственно к каждому государству, а их соблюдение и уважение в каждом случае на двустороннем уровне может рассматриваться как готовность их соблюдения в отношении всех государств и международного сообщества в целом. Общей ошибкой вышеприведенных подходов является, полагаем, акцентирование внимания на одном из аспектов

⁸ См.: *Tams C.J. Enforcing Obligations Erga Omnes in International Law*. Cambridge University Press. 2005. P. 87, 88.

⁹ См.: *The Oxford Handbook of International Adjudication* / ed. by C.P. Romano, K.J. Alter, Y. Shany. Oxford University Press, 2015. P. 466, 470–473, 480, 481, 775.

¹⁰ См.: *Абашидзе А.Х.* Участие государств в Статуте Международного Уголовного Суда — обязательство *erga omnes* // *Международное право*. 2007. № 1. С. 139–145.

¹¹ См.: *Леонов А.С., Споршев А.М.* Противодействие международному терроризму как обязательство *erga omnes* // *Вестник Нижегородского ун-та им. Н.И. Лобачевского. Право*. 2018. № 2. С. 152.

¹² См.: *Wet E.* *The International Constitutional Order* // *International and Comparative Law Quarterly*. 2006. Vol. 55. P. 62, 63.

¹³ Эту точку зрения разделяют К. Аннакер, Дж. Гайа, М. Рагаци, К. Тамс и др.

¹⁴ См.: *Fragmentation of International Law: Difficulties Arising from the Diversification and Expansion of International Law*, UN Doc. A/CN.4/L.682. 2006. P. 197.

¹⁵ Этой позиции придерживаются Д. Алланд, П. Вейл, Й. Клябберс и др.

¹⁶ Сторонниками подхода являются М. Байерс, Б. Зимма, Л. Сицилианос и др.

¹⁷ Примечательно мнение Дж. Гайа в отношении обратного процесса: коллективная реакция сразу всех государств на нарушение обязательства *erga omnes* невозможна практически (см.: *Fragmentation of International Law*. P. 200).

проявления обязательств erga omnes, приписывание ему исключительного, главного и единственного определяющего значения. Более того, игнорируется наличие общих для всех государств интересов, существование которых не требует доказательств. Они и обуславливают отличительную особенность обязательств erga omnes в сравнении с остальными международными правовыми нормами.

Общее доктринальное единство наблюдается и в вопросе значимости защищаемых интересов и фундаментальных основ самих обязательств erga omnes. Так, их моральная основа не только создает строгие критерии отбора, но и не позволяет произвольно умножать их количество¹⁸. Особая важность основополагающих, абсолютных интересов и ценностей международного сообщества (охватывающих в том числе и коллективные интересы группы государств)¹⁹ обуславливает общее понимание того, что они не могут быть объектом односторонних действий государств, их исключительно двусторонних или многосторонних соглашений, а должны обеспечиваться и защищаться совместными, коллективными усилиями его членов²⁰. Такие интересы, последовательно пронизывая международное право, обеспечивают целостность и ценностную ориентированность международного правопорядка²¹. Последнее свойство придает концепции erga omnes характер универсальных, абсолютных обязательств²². По нашему мнению, если в основу классификации обязательств erga omnes положить критерий коллективного интереса в защите высших ценностей международного сообщества, обязательство erga omnes может быть закреплено не только в норме международного права, но и в любой другой норме (политической, моральной). С одной стороны, это выводит предмет и объект исследования из исключительно международно-правовой регламентации, с другой — это ставит на первый план не международно-правовую регламентацию как самоцель, а именно защиту общего интереса.

Основные расхождения позиций исследователей проявились в части установления истинного намерения МС ООН: какой именно смысл вкладывал Суд в Решении 1970 г. в понятие «обязательства erga omnes» и отсюда — в чем заключается сущность таких обязательств вне контекста этого судебного

акта? Дело в том, что, несмотря на значимость концепции для практики государств и самого Суда, последний не разработал механизмы реализации обязательств erga omnes. Более того, самому Суду приписывают создание путаницы указанием на интерес всех государств, поскольку все обязательства, возникающие из общего международного права, также затрагивают все государства, требуя уважения и соблюдения²³. Впоследствии МС ООН неоднократно сталкивался в практике с концепцией обязательств erga omnes (в частности, в связи с заявлениями об участии сторон, непосредственно не затронутых нарушением, но имевших юридический интерес в защите прав), однако всячески старался избегать однозначных позиций по данному вопросу²⁴. Сам термин “erga omnes” употреблялся Судом: для распространения на третьи государства действия договоров, устанавливающих объективный режим, и основанных на них резолюций ООН; в целях указания, что обязательство erga omnes не может быть ограничено территориально, а потому накладывает на государства более высокую степень ответственности; как описательный термин в буквальном значении «в отношении всех»²⁵. В свою очередь, многочисленные доктринальные исследования не дают ответа о предмете регулирования и правовых последствиях применения концепции обязательств erga omnes. Это обуславливает идеалистические представления о концепции, как направленной на создание нового, ценностно ориентированного международного правопорядка²⁶, так и ее категорические оценки в качестве сугубо теоретической категории, а самого Решения 1970 г. — «пустого жеста»²⁷. Между тем в доктрине и практике все большее значение приобретает прагматичный подход, делающий акцент на фактическом влиянии концепции на существующие механизмы обеспечения применения норм международного права, правовой статус третьих государств, действие обязательств во времени и пространстве²⁸.

Согласно одному из наиболее распространенных подходов к пониманию сущности обязательств erga omnes последние рассматриваются с позиции теории ответственности государств. В соответствии

¹⁸ См.: Сазонова К.Л. Указ. соч. С. 79.

¹⁹ См.: Cridle E.J. Standing for Human Rights Abroad // Cornell Law Review. 2015. Vol. 100 (1). P. 288, 289.

²⁰ См.: Лукашук И.И. Современное право международных договоров: в 2 т. Т. 1: Заключение международных договоров. М., 2004. С. 191, 280.

²¹ См.: там же.

²² См.: Tams C.J. Op. cit. P. 56.

²³ См.: Christiani D.W. Why We Need Erga Omnes Character for Obligations to Combat Impunity for International Crimes // Padjadjaran Jurnal Ilmu Hukum. 2017. Vol. 4 (2). P. 365.

²⁴ См.: Zemanek K. New Trends in the Enforcement of Erga Omnes Obligations // Max Plank UNYB. 2000. Vol. 4. P. 11, 12.

²⁵ Tams C.J. Op. cit. P. 109–114.

²⁶ См.: ibid. P. 306, 307.

²⁷ Teraya K. Emerging Hierarchy in International Human Rights and Beyond: From the Perspective of Non-derogable Rights // European Journal of International Law. 2001. Vol. 12. Issue 5. P. 934.

²⁸ См.: Tams C.J. Op. cit. P. 4, 309.

с данным подходом первичные нормы международного права налагают определенные обязательства на государства, в то время как вторичные нормы касаются последствий невыполнения обязательств, установленных первичными нормами²⁹. Отсюда – обязательства *erga omnes* являются вторичными нормами, правовыми последствиями, возникающими в результате нарушения первичных норм, обладающих для всех государств фундаментальной значимостью. Именно их нарушение обуславливает возникновение у всех государств соответствующего юридического интереса в защите³⁰. С одной стороны, столь ограниченное понимание обязательств *erga omnes* могло наилучшим образом отвечать тем задачам, которые стояли перед МС ООН: описание определенных аспектов вторичных норм, а не сущности обязательств *erga omnes* в целом³¹. Это косвенно подтверждалось судьей М. Ляхсом, отметившим, что включение термина «*erga omnes*» в Решение 1970 г. не было необходимым, однако это было прекрасной возможностью закрепить определенные правовые положения и обозначить ситуации, когда государства обязаны действовать по отношению ко всему международному сообществу³². С другой стороны, данный подход не исключает характер *erga omnes* и у первичных норм (отмечается также, что именно характер первичных норм определяет природу вторичных)³³, иными словами, нарушение одних норм *erga omnes* порождает применение других. Что же касается самого подхода, то в силу своей изначальной узкой цели объяснить смысл Решения Суда его не следует рассматривать в качестве определяющего. Тем не менее он позволяет поставить вопрос о целесообразности выведения сути концепции *erga omnes* именно из Решения 1970 г., на которое при анализе изначально ссылаются все исследователи.

Развивая вышеуказанный подход, доктрина зачастую рассматривает обязательства *erga omnes* как одну из концепций международной ответственности государств, согласно которой нормы *erga omnes* охраняют интересы международного сообщества столь фундаментального характера, что это обуславливает особый порядок их защиты: даже непосредственно не пострадавшие государства (т.е. любые) правомочны заявить о нарушении, а также поставить вопрос об ответственности. Как

²⁹ См.: *Christianti D. W.* The “Modern” Concept of *Erga Omnes* to Establish the Obligation of Impunity Eradication: Towards the Primacy Jurisdiction of the International Criminal Court // *Padjajaran Jurnal Ilmu Hukum*. 2018. Vol. 5 (2). P. 215.

³⁰ См.: *Zemanek K.* Op. cit. P. 26, 27.

³¹ См.: *Tams C. J.* Op. cit. P. 102.

³² См.: *Palosaari T.* More than Just Wishful Thinking? Existence and Identification of Environmental Obligations *Erga Omnes*. University of Eastern Finland. 2018. P. 41.

³³ См.: *Zemanek K.* Op. cit. P. 26.

результат никакие ситуации, права, обязательства или юридическое положение государств, возникшие вследствие такого нарушения, не являются правомерными с точки зрения международного права, не могут и не должны признаваться таковыми всеми государствами³⁴. В данном контексте суть концепции *erga omnes* иногда сопоставляется с древнеримским понятием “*actio popularis*”, согласно которому государство действует от имени международного сообщества в силу того, что у него как члена этого сообщества есть интерес в сохранении мирового порядка³⁵. В то же время такое сравнение, помимо внутригосударственной природы происхождения понятия “*actio popularis*”, считается некорректным в силу нескольких причин: концепция *actio popularis* подразумевает а priori наличие доступа к судебным средствам защиты и в конечном счете ими и ограничивается, а обязательства *erga omnes* не только не предусматривают обязанность прямого обращения исключительно к международным судебным процедурам, но и обеспечиваются широким спектром средств (односторонние действия государств, действия со стороны Совета Безопасности ООН и др.); концепция *actio popularis* подразумевает наличие юрисдикции суда и не предопределяет нормы права, которые будут положены в основу судебного разбирательства, в свою очередь, обязательства *erga omnes* не находятся в зависимости от какой-либо юрисдикции, но при этом их применение во многом обусловлено их императивной природой; субъект, заявляющий о нарушении и требующий привлечения к ответственности на основании обязательств *erga omnes*, имеет прямой правовой интерес в защите даже при отсутствии непосредственного ущерба, в то время как субъект, который обращается к концепции *actio popularis*, не только не имеет ущерб, но и прямой правовой интерес, а действует в силу того, что уполномоченный субъект не способен или не желает обратиться с требованием о привлечении к ответственности³⁶. Принимая во внимание разницу понятий, МС ООН неоднократно отказывал в удовлетворении требований, основанных на концепции *actio popularis*. Так, в Решении по делу о Юго-Западной Африке (вторая фаза) 1966 г. Суд, признав правомерность действия, эквивалентного *actio popularis*, отметил, что такая норма в международном праве отсутствует и Суд не может рассматривать ее как вытекающую из «общих

³⁴ См.: *Черниченко С. В.* Взаимосвязь императивных норм международного права (*jus cogens*) и обязательств *erga omnes* // *Московский журнал междунар. права*. 2012. № 3. С. 6.

³⁵ См.: *Bassiouni M. C.* Universal Jurisdiction for International Crimes: Historical Perspectives and Contemporary Practice // *Virginia Journal of International Law*. 2001. Vol. 42 (1). P. 88.

³⁶ См.: *Fragmentation of International Law*. P. 202.

принципов права» согласно п. 1 (с) ст. 38 Стату-та³⁷. Более того, Суд отказался признать наличие правового интереса при отсутствии материального ущерба, если иное не было предусмотрено между-народным соглашением³⁸. Схожие позиции были обозначены МС ООН в решениях по делу об испы-таниях ядерного оружия 1974 г., по делу о Восточ-ном Тиморе 1995 г., по делу Лаграндов 2001 г. и др.

Таким образом, Международный Суд ООН, стал-киваясь с концепциями *erga omnes* и *actio popularis*, воздержался от вынесения однозначных решений по данному вопросу, систематизации практики го-сударств и выявлению основных положений данных концепций, ограничившись лишь негативными пози-циями по отдельным аспектам данных понятий. Это может объясняться как «узкой» задачей МС ООН по принятию конкретного решения по спору, так и не-желанием брать на себя ответственность за возмож-ные негативные последствия формулировки содер-жания концепций *erga omnes* и *actio popularis* (напри-мер, злоупотребление правом на обращение в Суд). В то же время фрагментарная трактовка Судом кон-цепции *erga omnes*, его достаточно сдержанная по-зиция в части ее дальнейшего толкования означает, что основная задача формирования ее теоретиче-ской основы ложится на государства. Именно поэто-му наибольший интерес в понимании сущности кон-цепции норм *erga omnes* представляют собой труды юристов-международников.

Одним из исследователей, предложивших крите-рии для определения обязательств *erga omnes*, стал итальянский юрист-международник М. Рагацци. Проанализировав Решение 1970 г., он вывел следую-щие характерные черты: 1) конкретно определен-ные обязательства; 2) «негативные» обязательства (запреты); 3) императивные нормы (предписываю-щие, что необходимо делать, а что — не следует); 4) обязательства, источником которых является об-щее международное право (к ним относятся нормы *jus cogens*, а также нормы, кодифицированные в мно-госторонних универсальных международных дого-ворах); 5) обязательства, отражающие основопола-гающие блага и моральные ценности³⁹. Указанные критерии составляют т.н. *индуктивный подход* к обя-зательствам *erga omnes*. Основная критика подобной методики идентификации сводится к тому, что она не охватывает «позитивные» нормы, в частности право народов и наций на самоопределение, а также не дает критерия, позволяющего определить важность обя-зательства с позиции защищаемых благ и ценностей

для отнесения его к категории *erga omnes*⁴⁰. Отчасти данное упущение может быть обусловлено тем, что в качестве основы для своих выводов М. Рагацци ис-пользовал примеры обязательств *erga omnes*, перечис-ленные в Решении 1970 г., в то время как сам доку-мент не может рассматриваться в качестве исчерпы-вающего источника для подобного анализа.

Своего рода развитием и конкретизацией одного из элементов концепции М. Рагацци является *мате-риальный подход*, который заключается в том, что для квалификации обязательства в качестве *erga omnes* последнее должно защищать особо значимые ценно-сти. Несмотря на то что данный подход нашел под-держку в практике МС ООН, нерешенным остался вопрос о способах определения важности защищае-мых интересов.

Одним из наиболее распространенных в доктрине подходов к идентификации обязательств *erga omnes* является *структурный подход*. Опираясь на сформу-лированное в Решении 1970 г. определение обяза-тельств, главный акцент сделан на отсутствии их вза-имного, двустороннего характера⁴¹: поскольку все государства обладают юридическим интересом в за-щите фундаментальных ценностей, а сами обязате-льства обращены к международному сообществу в це-лом, данные правоотношения не могут сводиться ни к двусторонней модели их реализации («непосред-ственно нарушившее — непосредственно пострадав-шее государство»), ни к совокупности таких моде-лей. В этом случае можно говорить о многосторон-ней, «глобальной» взаимности обязательств⁴². Как отметил Г. Аранджио-Руиз, в силу своего содержания указанные обязательства, предписывающие поведе-ние одновременно для всех и каждого государства по отношению ко всем остальным, являются юридиче-ски неделимыми⁴³. Многосторонний характер обя-зательств заключается не только в том, что они под-лежат коллективному обеспечению, но и в том, что каждое отдельное государство, реагируя на их нару-шение, действует в интересах всего международно-го сообщества⁴⁴. Кроме того, отдельные сторонники данного подхода заявляли, что абсолютно все недву-сторонние обязательства являются *erga omnes* (К. Ан-накер, Б. Брайд, Р. Лефебер, Л. Пенья), в то время как другие считали, что *erga omnes* могут быть при-знаны только важные не двусторонние обязате-льства (Ф. Бирманн, К. Гюнтер, Б. Зимма, Й. Кюнцли).

⁴⁰ См.: *Tams C.J.* Op. cit. P. 128–139.

⁴¹ См.: *ibid.* P. 56, 57, 130.

⁴² См.: *Sicilianos L.-A.* The Classification of Obligations and the Multilateral Dimension of the Relations of International Responsibility // *European Journal of International Law*. 2002. Vol. 13. P. 1135.

⁴³ См.: *Arangio-Ruiz G.* Fourth Report on State Responsibility Add. 1–3 // *Yearbook of the ILC*. 1992. Vol. II (Part One). P. 34.

⁴⁴ См.: *Fragmentation of International Law*. P. 200.

³⁷ См.: Краткое изложение решений, консультативных заключений и постановлений Международного Суда ООН (1948–1991). Нью-Йорк, 1993. С. 89.

³⁸ См.: *Wet E.* Op. cit. P. 69.

³⁹ См.: *Ragazzi M.* The Concept of International Obligations *Erga Omnes*. Oxford, 1997. P. 132–134.

Недостатками структурного подхода являются игнорирование фактора особой значимости ценностей, обеспечиваемых и защищаемых реализацией обязательств *erga omnes*, и вышеупомянутое отсутствие критериев для определения важности защищаемых интересов. Вдобавок К. Тамс отмечает, что нарушение любого не двустороннего обязательства подразумевает в первую очередь его нарушение в двустороннем порядке⁴⁵.

Наконец, имеет место *гибридный подход*, сочетающий в себе признаки материального и структурного: к *erga omnes* относятся не двусторонние обязательства, обеспечивающие особо значимые интересы международного сообщества, хотя в данном случае вопрос об идентификации значимости также остается открытым⁴⁶. Один из способов решения этой проблемы видится в принятии и признании обязательства международным сообществом государств в целом в качестве нормы *jus cogens* (согласно ст. 53 Венской конвенции 1969 г.)⁴⁷. Однако не все обязательства *erga omnes* являются нормами *jus cogens*, поэтому данный подход, несмотря на выделение некоторых критериев определения универсальной значимости, не может считаться исчерпывающим.

Помимо указанных подходов выделяются отдельные признаки рассматриваемых обязательств. Например, М. Байерс отмечает, что возникновение нормы *erga omnes* представляет собой двухэтапный процесс: формирование правила поведения и создание дополнительных двусторонних прав и обязанностей, предоставляющих любому государству право требования в случае их любого нарушения⁴⁸. М. Рагацци выделяет признаки универсальности (обязательность в отношении всех государств без исключения) и солидарности (каждое государство обладает юридическим интересом в их соблюдении и защите)⁴⁹. Межамериканский суд по правам человека в своих решениях делал акцент на значимости защищаемых интересов, которые настолько существенны, что являются более важными, чем согласие государства, определяющее в международном праве правомерность норм⁵⁰. Развивая мысль о значимости охраняемых общечеловеческих ценностей, И.И. Лукашук полагал, что далеко не любая норма даже по соглашению государств может стать нормой, порождающей обязательства между всеми⁵¹. КМП, признавая важность обязательств *erga omnes*,

отказывает им в иерархическом верховенстве над обязательствами, указанными в ст. 103 Устава ООН, или нормами *jus cogens*⁵².

Независимо от количества признаков обязательств *erga omnes* неверно настаивать на исключительности лишь некоторых из них, все признаки в их совокупности равнозначны и допустимы. Перечень обязательств *erga omnes*, критерии их идентификации могут меняться по мере эволюции международных отношений. В данном контексте интересна прагматичная позиция К. Тамса, предложившего вместо поиска общих признаков выделять совокупность факторов (закрепление в универсальных международных договорах, признание и применение ООН), которые, обосновывая важность конкретного обязательства, позволяли бы определенно относить его категории *erga omnes*⁵³. Подобный «персонифицированный» подход не отрицает возможность обращения ко всем вышеназванным критериям и признакам, не замыкается на цели универсальной применимости ко всем обязательствам *erga omnes*, но является гибким и легко адаптирующимся к реальным интересам всего международного сообщества.

* * *

Расплывчатость и неконкретность концепции “*erga omnes*” обуславливает отсутствие необходимости в алгоритмах идентификации этих норм. Более того, указанная «персонификация» строит специфическую модель формирования универсальной нормы *erga omnes*, которая заключается в движении к норме от определенного интереса, актуального для международного сообщества в конкретный промежуток времени. В свою очередь, это подтверждает эффективность норм международного права, поскольку норма, хотя и создается согласием субъектов, имеет в своей основе объективную потребность всего международного сообщества.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Абашидзе А.Х.* Участие государств в Статуте Международного Уголовного Суда – обязательство *erga omnes* // *Международное право*. 2007. № 1. С. 139–145.
2. Краткое изложение решений, консультативных заключений и постановлений Международного Суда ООН (1948–1991). Нью-Йорк, 1993. С. 89.
3. *Леонов А.С., Споршев А.М.* Противодействие международному терроризму как обязательство *erga omnes* // *Вестник Нижегородского ун-та им. Н.И. Лобачевского*. Право. 2018. № 2. С. 152, 153.

⁴⁵ См.: *Tams C.J.* Op. cit. P. 134.

⁴⁶ См.: *Palosaari T.* Op. cit. P. 60, 61.

⁴⁷ См.: *ibid.* P. 53, 62.

⁴⁸ См.: *Byers M.* Conceptualising the relationship between *jus cogens* and *erga omnes* rules // *Nordic Journal of International Law*. 1997. Vol. 66. P. 233.

⁴⁹ См.: *Ragazzi M.* Op. cit. P. 17.

⁵⁰ См.: *Леонов А.С., Споршев А.М.* Указ. соч. С. 153.

⁵¹ См.: *Лукашук И.И.* Указ. соч. С. 280.

⁵² См.: *Fragmentation of International Law*. P. 193.

⁵³ См.: *Tams C.J.* Op. cit. P. 157, 310.

4. Лукашук И.И. Современное право международных договоров: в 2 т. Т. 1: Заключение международных договоров. М., 2004. С. 191, 280.
5. Романов В.А. Исключение войны из жизни общества. М., 1961. С. 83.
6. Сазонова К.Л. Обязательства erga omnes и нормы jus cogens в международном праве: концептуальное оформление и правоприменительная практика // Государство и право. 2014. № 11. С. 72–79.
7. Черниченко С.В. Взаимосвязь императивных норм международного права (jus cogens) и обязательств erga omnes // Московский журнал междунар. права. 2012. № 3. С. 6.
8. Arangio-Ruiz G. Fourth Report on State Responsibility Add. 1–3 // Yearbook of the ILC. 1992. Vol. II (Part One). P. 34.
9. Bassiouni M.C. Universal Jurisdiction for International Crimes: Historical Perspectives and Contemporary Practice // Virginia Journal of International Law. 2001. Vol. 42 (1). P. 88.
10. Byers M. Conceptualising the relationship between jus cogens and erga omnes rules // Nordic Journal of International Law. 1997. Vol. 66. P. 233.
11. Christianti D.W. The “Modern” Concept of Erga Omnes to Establish the Obligation of Impunity Eradication: Towards the Primacy Jurisdiction of the International Criminal Court // Padjadjaran Jurnal Ilmu Hukum. 2018. Vol. 5 (2). P. 215.
12. Christianti D.W. Why We Need Erga Omnes Character for Obligations to Combat Impunity for International Crimes // Padjadjaran Jurnal Ilmu Hukum. 2017. Vol. 4 (2). P. 365.
13. Criddle E.J. Standing for Human Rights Abroad // Cornell Law Review. 2015. Vol. 100 (1). P. 288, 289.
14. Palosaari T. More than Just Wishful Thinking? Existence and Identification of Environmental Obligations Erga Omnes. University of Eastern Finland. 2018. P. 41, 53, 60–62.
15. Ragazzi M. The Concept of International Obligations Erga Omnes. Oxford, 1997. P. 17, 132–134.
16. Sicilianos L.-A. The Classification of Obligations and the Multilateral Dimension of the Relations of International Responsibility // European Journal of International Law. 2002. Vol. 13. P. 1135.
17. Tams C.J. Enforcing Obligations Erga Omnes in International Law. Cambridge University Press. 2005. P. 4, 56, 57, 87, 88, 102, 109–114, 128–139, 157, 306, 307, 309, 310.
18. Teraya K. Emerging Hierarchy in International Human Rights and Beyond: From the Perspective of Non-derogable Rights // European Journal of International Law. 2001. Vol. 12. Issue 5. P. 934.
19. The Oxford Handbook of International Adjudication / ed. by C.P. Romano, K.J. Alter, Y. Shany. Oxford University Press, 2015. P. 466, 470–473, 480, 481, 775.
20. Wet E. The International Constitutional Order // International and Comparative Law Quarterly. 2006. Vol. 55. P. 62, 63, 69.
21. Zemanek K. New Trends in the Enforcement of Erga Omnes Obligations // Max Plank UNYB. 2000. Vol. 4. P. 11, 12, 26, 27.

REFERENCES

1. Abashidze A.H. Participation in Rome Statute of ICC – obligation erga omnes // International Law. 2007. No. 1. P. 139–145 (in Russ.).
2. Summaries of judgements, advisory opinions and orders of International Court of Justice (1948–1991). New York, 1993. P. 89 (in Russ.).
3. Leonov A.S., Sporshev A.M. Suppressing international terrorism as obligation erga omnes // Vestnik of Lobachevsky N. Novgorod University. Law. 2018. No. 2. P. 152, 153 (in Russ.).
4. Lukashuk I.I. Modern treaty law: in 2 vols. Vol. 1: Conclusion of international agreements. M., 2004. P. 191, 280 (in Russ.).
5. Romanov V.A. Exception of war out of public life. M., 1961. P. 83 (in Russ.).
6. Sazonova K.L. Erga omnes obligations and jus cogens in International Law: the concept and compliance practices // State and Law. 2014. No. 11. P. 72–79 (in Russ.).
7. Chernichenko S.V. Interconnection of peremptory norms of international law and erga omnes obligations // Moscow journal of International Law. 2012. No. 3. P. 6 (in Russ.).
8. Arangio-Ruiz G. Fourth Report on State Responsibility Add. 1–3 // Yearbook of the ILC. 1992. Vol. II (Part One). P. 34.
9. Bassiouni M.C. Universal Jurisdiction for International Crimes: Historical Perspectives and Contemporary Practice // Virginia Journal of International Law. 2001. Vol. 42 (1). P. 88.
10. Byers M. Conceptualising the relationship between jus cogens and erga omnes rules // Nordic Journal of International Law. 1997. Vol. 66. P. 233.
11. Christianti D.W. The “Modern” Concept of Erga Omnes to Establish the Obligation of Impunity Eradication: Towards the Primacy Jurisdiction of the International Criminal Court // Padjadjaran Jurnal Ilmu Hukum. 2018. Vol. 5 (2). P. 215.
12. Christianti D.W. Why We Need Erga Omnes Character for Obligations to Combat Impunity for International Crimes // Padjadjaran Jurnal Ilmu Hukum. 2017. Vol. 4 (2). P. 365.
13. Criddle E.J. Standing for Human Rights Abroad // Cornell Law Review. 2015. Vol. 100 (1). P. 288, 289.
14. Palosaari T. More than Just Wishful Thinking? Existence and Identification of Environmental Obligations Erga Omnes. University of Eastern Finland. 2018. P. 41, 53, 60–62.
15. Ragazzi M. The Concept of International Obligations Erga Omnes. Oxford, 1997. P. 17, 132–134.
16. Sicilianos L.-A. The Classification of Obligations and the Multilateral Dimension of the Relations of International Responsibility // European Journal of International Law. 2002. Vol. 13. P. 1135.
17. Tams C.J. Enforcing Obligations Erga Omnes in International Law. Cambridge University Press. 2005. P. 4, 56, 57, 87, 88, 102, 109–114, 128–139, 157, 306, 307, 309, 310.

18. Teraya K. Emerging Hierarchy in International Human Rights and Beyond: From the Perspective of Non-derogable Rights // *European Journal of International Law*. 2001. Vol. 12. Issue 5. P. 934.
19. *The Oxford Handbook of International Adjudication* / ed. by C.P. Romano, K.J. Alter, Y. Shany. Oxford University Press, 2015. P. 466, 470–473, 480, 481, 775.
20. *Wet E.* The International Constitutional Order // *International and Comparative Law Quarterly*. 2006. Vol. 55. P. 62, 63, 69.
21. *Zemanek K.* New Trends in the Enforcement of Erga Omnes Obligations // *Max Plank UNYB*. 2000. Vol. 4. P. 11, 12, 26, 27.

Сведения об авторах

ВЕРЕИНА Лариса Владиславовна — кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры международного права Московского государственного института международных отношений (университет) МИД России; 119454 г. Москва, пр. Вернадского, д. 76
ORCID: 0000-0002-4490-9916

СИНЯКИН Иван Игоревич — кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры международного права Московского государственного института международных отношений (университет) МИД России; 119454 г. Москва, пр. Вернадского, д. 76
ORCID: 0000-0002-8899-4219

СКУРАТОВА Александра Юрьевна — кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры международного права Московского государственного института международных отношений (университет) МИД России; 119454 г. Москва, пр. Вернадского, д. 76
ORCID: 0000-0001-8513-8719

Authors' information

VEREINA Larisa V. — PhD in Law, Associate Professor, Associate Professor at the Department of International Law, Moscow State Institute of International Relations (University) MFA Russia; 76 Vernadskogo Ave., 119454 Moscow, Russia

SINYAKIN Ivan I. — PhD in Law, Associate Professor, Associate Professor at the Department of International Law, Moscow State Institute of International Relations (University) MFA Russia; 76 Vernadskogo Ave., 119454 Moscow, Russia

SKURATOVA Aleksandra Yu. — PhD in Law, Associate Professor, Associate Professor at the Department of International Law, Moscow State Institute of International Relations (University) MFA Russia; 76 Vernadskogo Ave., 119454 Moscow, Russia